

ТВОРЧЕСТВО Григория Александровича Медынского несет в себе черты подвижничества во имя достойного воспитания человека, во имя социалистического правопорядка, простой гуманной справедливости. Всю свою долгую жизнь он посвятил деятельной борьбе за формирование молодых, в том числе и заблудших душ, за торжество в нашей действительности норм коммунистической морали.

Для Медынского слово и поступок, слово и дело с молодости олицетворяли нерасторжимое единство жизненного и творческого поведения. Много лет он вел педагогическую работу сначала в Калужской области, затем в Москве, активно боролся с детской безпризорностью, трудился на стройках первой пятилетки, непосредственно наблюдал зарождение колхозного движения. Став профессиональным литератором, Медынский обратился к теме нового, свободного труда, и его роман «Самстрой», опубликованный журналом «Октябрь» в 1930 году, привлек внимание читателей и критиков правдивостью характеров вчерашних крестьян, влившихся в рабочее строительство. Название первого романа очень характерно для Медынского: строй себя сам — таков в сущности внутренний смысл его обращения к человеку на протяжении всей литературной деятельности.

В тридцатые годы писатель на новой стройке — среди рабочих и инженеров Московского метрополитена. Документальные очерки Медынского той поры воссоздают портреты новых людей, тружеников и героев социалистической стройки. Постепенно в его творчестве начинает звучать, набирать силу главная тема — воспитание молодого поколения, — которой он посвятил свою жизнь. Именно здесь дарование Медынского и гражданственность его натуры будут явлены особенно отчетливо и сильно.

В дни войны писатель приступает к роману «Марья».

В издательстве «Художественная литература» вышел первый том собрания сочинений Григория Медынского в трех томах (предполагается все выпустить в этом году). Первый том составил роман «Марья»; во второй войдут повесть «Честь», документальная повесть «Повелевай счастьем» и «Разговор всерьез» (публицистика); в третий — «Трудная книга, Судьбы. Письма. Размышления» и «Пути и поиски» (из публицистики разных лет).

ВОСПИТАНИЕ

законченному в 1949 году и тогда же удостоенному Государственной премии. Недавно об этой книге хорошо вспомнил Федор Абрамов: «Я знал деревню военных лет и литературу о ней, в которой немало было розовой водицы. Пожалуй, только «Марью» Медынского можно поставить особняком». Справедливые слова, дань уважения старшему собрату, всегда презрительно относившемуся к розовой водице литературной неправды.

В 1942 году недалеко от глухой алтайской деревни Волчиха сквозь мутную пелену сибирского бурана писатель увидел женщину с лопатой, стоявшую на сугробе. Она что-то кричала своим подругам, расчищающим дорогу одинокому трактору, за которым тянулась молотилка. Под снегом лежал неубранный колхозный хлеб, и женщины пытались спасти его.

«Все это было в самый разгар сталинградского сражения, — как немилосердно летит время! — но женщина с лопатой в руке, ее обвязанная платками голова и треплющееся на ветру платье до сих пор стоят у меня перед глазами, — писал впоследствии Медынский. — Из этого видения родилась моя «Марья»... Я как-то сразу почувствовал то бремя, которое легло на советскую женщину в годы войны, весь ее невыразимый никакими словами подвиг, всю ее нравственную красоту. И я уже не мог не писать об этом».

Медынскому удалось создать привлекательный характер русской женщины,

крестьянки, возглавившей колхоз во время лихолетья. Марья Карповна Морозова написана автором с нескрываемым восхищением, но в то же время с теми земными, реальными подробностями, которые противостоят идеализации, делают образ понятным и близким читателям.

После «Марьи» Медынский возвращается к теме воспитания подрастающего поколения. Он пишет «Повесть о юности» (1954), посвященную послевоенной школе. Во время работы над повестью ему попадает в руки письмо из читательской почты «Комсомольской правды». Оно натолкнуло Медынского на новый поворот темы, на трудный путь, который он следует, не сворачивая, вот уже четверть века.

Писал юноша, бывший заключенный. Лишившийся в войну отца, он сбился с пути, попал на скамью подсудимых, затем в заключение. Там он постепенно все осознал, был амнистирован, но остался в Воркуте как вольнонаемный рабочий, чтобы загладить свою вину перед Родиной.

Это была иная сторона действительности. Если раньше писатель работал над темой счастливой юности, утверждающей себя и свое будущее в труде, в стремлении осуществить самые смелые возможности, то теперь он не мог отвести мысленный взор от других, горьких и драматических явлений жизни.

Так зародилась повесть «Честь», одна из самых знаменитых книг Г. Медынского. Повесть о жизни и пре-

ступлении московского подростка Антона Шелестова. И об искуплении его вины. Повесть, которая вот уже свыше двух десятилетий непременно входит в круг чтения миллионов молодых граждан страны.

Г. А. Медынский первым в нашей послевоенной литера-

Просили заступиться, разобратся, обратиться в инстанцию. Когда было нужно, он ходил, заступался, разбирался.

Когда одна женщина обратилась к нему как писателю, «посвятившему свое перо жизни заключенных», Медынский возразил ей. В

ЧЕЛОВЕК

туре обратился к острейшей проблеме молодежной преступности. Без особого преувеличения можно назвать его литературную и чисто человеческую, житейскую деятельность в этом направлении гражданским подвигом. Вся жизнь уже немолодого писателя приобрела новый, целеустремленный смысл. Он оказался связанным бесчисленными нравственными нитями со многими своими молодыми корреспондентами: после опубликования «Честь» (1959) в адрес Медынского хлынул огромный поток писем, не иссякающий и по сей день.

В этой книге жили страшная правда и боль, которые не принижали человека, а, наоборот, давали ему силы выпрямиться и сделать мужественный шаг от бесчестия к чести. Книга всколыхнула души; она имела не только литературный, но и широкий общественный резонанс.

От беллетристики писатель пришел к нравственно-философской публицистике, и здесь его голос звучал с особенной силой, вызывая к общественному неравнодушию, тревожа ум и совесть, пробуждая гражданские чувства.

«Трудная книга» вышла в 1964 году. В ее подзаголовке стоит: «Судьба. Письма. Размышления». Все, что потом будет писать Медынский, так или иначе связано с этой триадой.

К нему шли, как на исповедь. В письмах молодых людей с исковерканной жизнью открывались самые потаенные глубины души.

этих словах сформулирована главная идея «Трудной книги»:

«Нет, не посвящал я и не думал посвящать перо свое жизни заключенных. Я посвящал его борьбе за здорового, светлого и сильного духом человека. И за такого человека я болею. И только чтобы помочь ему утвердиться, чтобы облегчить ему дорогу, чтобы облагородить его путь, чтобы уберечь его от липнущей грязи, я занялся исследованием этой грязи — не ради ее защиты, а ради ее преодоления и искоренения».

«Трудная книга» вобрала лишь малую часть переписки писателя. В сборниках «Пути и поиски» (1970) и «Разговор всерьез» (1977) он продолжил и развил многие из тем, в ней затронутых. И прежде всего Медынского волнуют вопросы воспитания нравственности и мировоззрения человека, которые решаются в наши дни далеко не просто.

Писатель, вступивший в девятое десятилетие, по-прежнему встречает день за письменным столом. Недавно он закончил книгу воспоминаний, которую назвал «Ступени жизни». Это духовная автобиография Медынского, крутые ступени его идейных, этических поисков.

Небогатая внешними событиями жизнь Г. А. Медынского разворачивается здесь в ее внутреннем движении, как напряженный диалог с самим собой.

Евгений СИДОРОВ.

«ПЕЧАТНОЕ ОБЩЕСТВО»

12 51 СЕН 1981